

От “криминальной революции” к “криминальному обществу”¹

Аннотация

Статья является логическим продолжением предыдущей публикации (“Криминальная революция как социетальный фактор”, 2008). Автор делает вывод, что Украина превратилась в “криминальное общество”, рассматриваются признаки подобного общества и феномен прихода к власти “криминальной элиты”. Особенностью взятия власти явилась “приватизация” государственного аппарата, правоохранительной системы, которые превратились в орудие криминального правящего класса. Рассматривается уникальное явление — проекции криминальных традиций и субкультурных норм на общественную жизнь современной Украины. Отмечается, что основным социально-политическим противоречием в ближайшие годы будет оставаться конфликт криминального правящего класса и гражданского общества.

Ключевые слова: криминальная революция, криминальное общество, криминальная элита, криминальный правящий класс

В 2008 году была опубликована моя статья ““Криминальная революция” как социетальный фактор”², где рассматривался криминальный аспект трансформационных процессов в Украине. Анализ сводился к тому, что

¹ Статья поступила в редакцию в декабре 2013 года, и автор принял решение не менять содержание. Читатель может сделать самостоятельные выводы относительно развития конфликта между “криминальным правящим классом” и гражданским обществом, а также о фатальных последствиях для Украины пребывания у власти “криминальной элиты”. — *Прим. ред.*

² См.: [Рущенко, 2008].

массовые криминальные практики явились катализатором ломки старых социалистических отношений и обусловили специфический украинский путь к “светлому капиталистическому будущему”. “Уголовный джин”, который вырвался из бутылки, сам по себе в сосуд не вернется. В предыдущей статье, когда неясными оставались сценарии тренда “криминальной революции”, была сделана попытка сформулировать несколько вариантов развития событий. Пять истекших лет, прежде всего события, последовавшие после президентских выборов 2010 года, позволяют сделать вывод, что один из предложенных сценариев, очевидно, оказался наиболее реалистичным. Тогда он в краткой формулировке звучал так: “доведение “криминальной революции” до логического финала, когда криминальный порядок становится формой или субститутотом социального порядка”. Не буду повторять все признаки такого развития событий, но один момент все-таки процитирую: “...к власти окончательно приходят герои “криминальной революции”, они решительно и целеустремленно устанавливают новый порядок по собственным “понятиям”, ... ограничивают согласно собственным представлениям свободу прессы и телевидения и их средствами мифологизируют собственные фигуры, утверждают систему неформальных, но де-факто разрешенных практик (кто кому и за что платит, сколько стоит должность, с каким достатком может жить тот или иной чиновник)” [Рущенко, 2008: с. 208]. Итак, социальный порядок может принимать форму криминального порядка, хотя с теоретической точки зрения здесь остается много неясного, требующего социологической интерпретации. Для начала примем гипотезу: современное украинское общество приобрело черты “криминального общества” в качестве разновидности капиталистической системы, встречающейся в странах третьего мира, где общественная жизнь включает многочисленные элементы криминального как формы социального.

Как возможно “криминальное общество”?

Я сознательно переименовал название известной статьи Г. Зиммеля (“Как возможно общество?” [Зиммель, 1994]), чтобы по примеру немецкого социолога-классика заняться анатомией социальности, но применительно к своему предмету исследования. Сочетание понятия “общество” с предикатами — “демократическое”, “тоталитарное”, “рабовладельческое”, “исламское”, “открытое”, “информационное” и многими другими определениями — прочно вошло в научную традицию. В рамках этой традиции мы не видим ничего предосудительного в том, чтобы ввести в социологический тезаурус термин “криминальное общество”. Вместе с тем подобные определения указывают всего лишь на чистые идеальные типы и не исчерпывают всестороннего и глубокого содержания социальности.

Общество можно представить по аналогии со структурой здания, где есть “фундамент” (преимущественно скрытая и рутинная повседневная сфера социальных отношений, привычки и традиции, средоточие всего консервативного и архетипического); далее — “стены и перекрытия”, которые время от времени перестраиваются реформаторами (актуальные институты, политическая организация, государственная жизнь); и, образно говоря, внешний декор — “окраска здания, лепнина и украшения” (это то, как само общество пытается репрезентировать себя в своих мессиджах как внешнему

миру, так и собственным гражданам). Все три части “здания” могут органично взаимодополнять друг друга или заметно диссонировать. В эпоху модерна разные скорости развития приводят к тому, что указанные три конструкта социальности зачастую находятся на разных стадиях. Модернизация публичной сферы обгоняет эволюционное и неторопливое развитие фундаментальных структур. Хотя и в повседневной жизни наблюдаются “прорывы” под влиянием таких внешних факторов, как сексуальная революция, философия массового потребления, продукты из супермаркета, фаст-фуд, Интернет в купе с виртуальными социальными сетями и т.п. Метафора здания нужна, чтобы подчеркнуть: когда речь идет о “криминальной революции” и гипотезе “криминального общества”, не следует полагать, что за несколько лет или десятилетий общество могло измениться тотально во всех своих составляющих. Структурные изменения касаются в большей мере публичной (прежде всего экономической и политической) сферы. Одновременно общество старается сохранить пристойный внешний антураж. Например, остается в силе Конституция, где уже в первой статье с пафосом декларируется: “Україна є суверенна і незалежна, демократична, соціальна, правова держава”. Формулировка слабо отвечает реальности государственной жизни, это типичный идеологический конструкт, вывеска на фасаде, которой не следует доверять. Ближе к истине было бы, например, такое утверждение: “Україна є напівсуверенна і певною мірою залежна, корумпована та криміналізована, соціально несправедлива (олігархічна), свавільна та обмежено демократична держава”. Хотя и это определение не является исчерпывающим, ибо никакая дефиниция не выражает всех аспектов сложной системы.

Словосочетание “преступное (криминальное) общество” используют в научной практике некоторые криминологи для анализа социума преступников и развития тезиса о “глобализации” преступности [Горшенков, Долгова, 2003; Долгова, 2003], а также публицисты как яркую метафору [Цейтлин, 1999]. Около сорока лет назад американский криминолог-социолог Эдвин Шур издал известную книгу под названием “Наше преступное общество (социальные и правовые источники преступности в Америке)” [Шур, 1977]. Но автор говорил не об институтах и структурах, а о ряде причин, заложенных в самой капиталистической общественной системе, которые не могут не продуцировать преступность и преступников. Например, такие добродетели и ценности Америки, как динамизм, индивидуализм, конкуренция и личный достаток, “могут создать определенные стимулы, толкающие индивидов на преступление” [Шур, 1977: с. 38]. В общем это хорошо известная истина; корни преступности вплетены в социальную жизнь, именно это позволило Э.Дюркгейму говорить о преступности как социальном факте на все времена и для всех обществ. Но справедливо также и то, что общество, построив институты морали, религии, права, научилось изолировать преступность, держать ее, образно говоря, в узде, не выпускать преступников из криминального андеграунда, предлагая им на выбор: или криминальное подполье, или места лишения свободы. Речь не может идти о массовом допуске преступников в такие сферы, как образование, политика, идеология. Современные развитые демократии включают “правило исключения”, не допуская к участию в предвыборной борьбе людей с криминальным прошлым, сомнительными связями и темной биографией. Для этого вклю-

чаются механизмы партийных фильтров и общественного мнения, могут также юридически накладываться запреты на выдвижение кандидатами тех лиц, кто отбывал уголовное наказание. Представители криминалитета, мафиози не могут рассчитывать на то, чтобы трансформировать отношения и институты “под себя”, заниматься социальным конструированием в масштабах всей социальной системы. Однако любые правила в социальной жизни имеют свои исключения. Если происходит обратное, “правило исключения” не существует или не срабатывает, то появляются условия для “криминального общества”.

Можно ли измерить степень криминальности общества? Формальные показатели полицейской или судебной статистики тут не годятся. Они лишь косвенно подтверждают факт флуктуации уровней общей преступности и не являются инструментом качественного измерения. Перспективным, хотя и методически сложным и длительным, путем может быть измерение по отдельным социальным полям. Общество — это мозаика бесконечных в своей численности социальных полей, в сумме образующих тотальное социальное пространство. Однородные социальные поля можно объединять в сектора. В структуре нормально организованного общества, несомненно, должны существовать многочисленные ячейки, практически свободные от преступности (последствия “правила исключения”). А теперь мысленно представим карту, которая бы отражала степень криминальности общества. Она могла бы иметь сотовую структуру, где каждая ячейка окрашена в оттенок серого, указывающий на степень криминализации соответствующего социального подпространства. Условно белый (чистый) сегмент означает, что в данном социальном поле практически отсутствуют агенты, связанные с преступностью, индивиды могут заниматься тем или иным видом деятельности, не прибегая к криминальным практикам и не сталкиваясь с преступниками. Преступление в таком сегменте — редкое исключение, обусловленное не сценарием деятельности, а, например, врожденной социопатией конкретного индивида. Серые ячейки означают, что в данном сегменте есть внутренние условия для преступности и свои типичные преступники, а насыщенность серого оттенка зависит от ряда факторов, которые актуализируют или подавляют преступность. Черные ячейки — это те сектора, где деятельность в принципе не возможна без использования криминальных практик, где агенты или сами являются преступниками, или вынуждены постоянно вступать с ними в социальные контакты. Например, нельзя в принципе заниматься бизнесом “честно”, нельзя получить должность законным путем, а необходимо ее купить, невозможно получить диплом, не производя незаконных платежей, нельзя защитить диссертацию, если идешь “прямым путем”, и т.п. Криминальная карта общества для простоты восприятия может иметь монохромную раскраску по принципу: “есть” или “нет” и насколько системными и неотвратимыми являются преступные деяния в каждом из сегментов. В более сложном варианте необходимо использовать цветовую гамму, поскольку виды преступлений в каждом сегменте могут иметь свою специфику. Теоретически мы можем разработать методики и произвести более или менее достоверные социологические измерения по каждому из значимых общественных секторов, хотя это и трудная (с точки зрения масштабов и затрат) работа. Есть несколько показателей, которые могут быть измерены с помощью наблюдения или опросных технологий. Но

такая работа мало кого может заинтересовать в нынешней ситуации, тем более не правоохранительную систему, которая как огня боится информации относительно незарегистрированной преступности.

Для понимания специфики криминальной карты современного украинского общества мысленно сравним ее с аналогичной структурой советского периода. Какие оттенки доминировали на карте в последние десятилетия “великой эпохи”? Многие сектора экономики, профессиональной деятельности имели, безусловно, светлые тона: рабочий на машиностроительном предприятии, банковский работник, ученый в лаборатории, преподаватель в высшей школе и многие другие агенты социальных полей могли всю жизнь трудиться, не сталкиваясь с криминалом, не вступая в преступные связи, не видя рядом преступника. Существовали сектора, где специфическая по советским временам преступность была фактически условием деятельности. Это, например, касалось торговли и вообще сферы распределения материальных благ. В правоохранительной системе ситуация была не однозначная и зависела от эпохи и политико-идеологических установок; но там всегда, даже за рамками периода массовых репрессий, использовались практики, о которых простым смертным лучше было не знать. Тем не менее должностная коррупция была скорее исключением или носила совсем “детский” характер по нынешним временам. Советский период нас интересует как некая исходная матрица, ибо криминальный “транзит” отталкивался от этой условной карты. Интерес также вызывает то, насколько украинцы с их ментальными и архетипическими установками потенциально могут жить в условно “чистых полях”, то есть вне криминала. Было бы крайне пессимистично объяснить происходящее базовой склонностью соотечественников к преступности. Как раз история, традиции украинских общин вселяют сдержанный оптимизм, если смотреть в будущее и размышлять о путях выхода из сложившейся ситуации.

Мы практически не видим сегодня ячеек, окрашенных в светлые тона: преобладающая окраска — насыщенный серый и черный. Речь, конечно, идет о латентной преступности, которая стала неотъемлемой частью нашей жизни и морально деморализовала широкие слои населения, прежде всего молодое поколение, воспринимающее преступность как неотъемлемую составляющую сценариев поведения. В структуре украинской преступности есть абсолютная доминанта — коррупция в различных видах и формах. По данным международной организации Transparency International, Украина лидирует в Европе по темпам распространения коррупции и находится на 144 месте из 177 стран в мировом рейтинге коррупции [Україна, s.a.]. Коэффициент латентности по коррупционным деяниям имеет сюрреалистическую величину в тысячи и десятки тысяч единиц. Только мизерная часть подобных преступлений вне рамок системной и институционализированной коррупции становится достоянием гласности и предметом уголовных расследований. Коррупция буквально заполонила всю публичную сферу, где под нее выстраивается конфигурация общественного здания. Это произошло стремительно и лавинообразно. Интересно, что два других этажа общественного здания как бы вне коррупции. По-прежнему в семейно-бытовой сфере, в первичных группах широко распространены отношения, основанные на дружбе, взаимной поддержке, семейных и родственных связях, опеке, социальной защите. Конечно, порча (именно такое первоначальное

значение латинского слова *congruatio*) приходит и в эту сферу, например, растет число брошенных родителями детей. Но в целом “фундамент” — более или менее устойчивая сфера, защищающая общество в целом от кратковременных институциональных колебаний. Интересно и то, что “вывеска” общества пытается сохранять видимость благополучия и демонстрирует решительность в борьбе с коррупцией. За последние годы чего только не делалось в рамках политики “чистые руки”: собирались совещания и коллегии на самом высоком уровне по борьбе с коррупцией, менялось (усиливалось) уголовное законодательство, издавались строгие приказы по ведомствам и министерствам, но неизменно... уровни латентной коррупции и ее ставки шли в гору. В общественный лексикон прочно вошли коррупционные термины: “доляшка”, “откат”, “распил” и т.п. Но только в последние годы массовая низовая коррупция получила свое окончательное системное оформление, коррупция превратилась в символ украинской общественной системы. Это и является, на мой взгляд, главным признаком “криминального общества” по-украински. Понятно, что мотив коррупции является универсальным и могучим — обогащение без инвестиций и общественно полезной экономической деятельности. Но превращение коррупции в символ и инструмент государственного правления, конечно, не было случайным. Нужны были творцы этой системы, люди с криминальным талантом и образом мышления, чтобы хаотичный и самовоспроизводящийся процесс превратить в институциональную составляющую социальной жизни на всех ее этапах. Важной составляющей концепции “криминального общества” является качественный анализ политического класса и понимание природы “архитекторов” криминальной социальности.

Способен ли криминалитет господствовать?

Могут ли люди с криминальным прошлым (и настоящим) и соответствующим типом сознания быть эффективными менеджерами, политиками, управлять государством? Для ответа на поставленный вопрос воспользуемся криминологическими наблюдениями. Для целей анализа ограничим социум преступников его ядром — профессиональными преступниками, членами мафиозных организаций, рецидивистами, индивидами с криминальным типом личности. Именно выход этих фигурантов на широкую социальную арену способен иметь социетальные последствия, частично видоизменять общественную систему. Социум преступников может казаться для непосвященных наблюдателей чем-то серым и однородным в своей человеческой массе. В действительности он имеет свою вертикальную структуру, напоминающую классическую социальную пирамиду с присущим ей делением на высший, средний, низший классы, а также собственными маргинальными прослойками. Низшие слои преступников состоят из ведомых личностей, которые не способны играть самостоятельную общественную роль; это люди с примитивными потребностями и запросами, интеллектуально ограниченные, со слабыми волевыми качествами, в том числе различные компульсивные психопаты, зависимые типы, вырожденцы со слабыми адаптивными способностями. Условно средняя категория — это индивиды, не лишённые инициативы, здравого смысла, способные к рациональному планированию, могут возглавлять небольшие криминальные группы самой

разной направленности. А вот верхушка — это преступники, способные навязать свою волю другим индивидам, целеустремленные, мобильные, дерзкие, нередко отличающиеся некоторой образованностью или стремящиеся расширить свой кругозор. Это и есть “криминальная элита”, объединяющая прирожденных организаторов преступного сообщества; она при определенных благоприятных условиях способна не только построить тайные криминальные империи, но играть видную общественную роль. Свои таланты верхушка преступного мира (“цветная масть” на криминальном сленге) неоднократно демонстрировала в местах лишения свободы. Оставаясь формально на положении бесправных арестантов, представители “криминальной элиты” нередко навязывали свою волю не только всем сидельцам, но и администрации исправительных учреждений. По этому признаку тюрьмы и лагеря делились на “красные” и “черные”. “Красные” находились под контролем администрации и так называемого “актива” (носившие красные повязки поверх бушлатов); “черные” были во власти “уголовной элиты” (у таких “блатарей” в одежде не должно быть ничего красного цвета). Любопытно, что такое неформальное деление мест лишения свободы сохранилось в Украине до сих пор. Правда, представители “уголовной элиты” в местах лишения свободы пребывают редко.

До 1990-х годов существовало четкое правило самоограничения уголовников, своего рода табу, на политику и любую общественную деятельность. “Воровской закон” запрещал служить в армии, брать оружие из рук государства, иметь контакты с официальными лицами, прежде всего с представителями правоохранительных структур, заниматься политической деятельностью, читать газеты и т.п. Вероятно, в лагерях уголовники видели перед собой печальные последствия политики на примере судеб осужденных по 58-й статье, которых государство содержало на условиях каторги без надежды на амнистию или даже освобождение в конце назначенного судом срока. Одновременно “блатари” считались “социально близкими”, оступившимися пролетариями, которые подлежат “перековке”. Еще ранее крайне негативный опыт вхождения в политику и исполнения общественной роли имел лидер уголовной Одессы Моисей Винницкий (Японец, Япончик). Кратковременное сотрудничество с большевиками закончилось тем, что криминальный авторитет был в 1919-м расстрелян властями. Современники отмечали, что этот факт произвел очень сильное впечатление на криминальные круги. Итак, никакой политики, полная изоляция от государства и публичной сферы — золотое правило уголовников. Табу на политику было снято в 1990-е годы, когда элита преступного мира осознала, что эпоха капитализма рождает беспрецедентные возможности, но воспользоваться ими можно только с высот политической и административной власти. Старые правила были забыты, что еще раз подтверждает высокую адаптивность уголовных элементов.

Первый этап “криминальной революции” был ознаменован “войной на асфальте”, когда формировались криминальные группы и сообщества, брали “под крышу” бизнес, вступали в жестокие схватки между собой [Кузин, 2006]. В Украине вырисовались центры криминальной активности — Донецк, Киев, Симферополь, их “догоняли” Одесса, Харьков, Днепропетровск, Запорожье, Кривой Рог. В многочисленных кровавых противостояниях согласно законам дарвинизма был буквально выкован современный кадр “криминальной элиты”. Никакая другая социальная группа современной

Украины не прошла такого отбора буквально на генетическом уровне, как эта. Второй этап — период легализации и борьбы за власть; он стартует уже во второй половине 1990-х. Цель ставилась глобальная — захват государственной власти на всех уровнях. “Криминальная элита” на втором этапе проявила свои “лучшие” качества: воля к власти и жажда по-настоящему больших денег сделали то, о чем никогда и не могли мечтать их предшественники в лагерных бушлатах.

Поход во власть к этому времени опирался на несколько ресурсов. Во-первых, большую роль сыграл первичный капитал, добытый криминальными путями в 1990-е годы, он начинает использоваться как инвестиция в политику, которая должна была окупить себя и принести сверхприбыли в ближайшем будущем. Деньги оказались настолько мощным фактором, что сплошь и рядом они заменяли прямое насилие — привычное инструментальное средство в руках мафии. Но криминальное насилие не исключалось и держалось в запасе как последний аргумент. Во-вторых, нельзя не отметить целеустремленность и мощную волю к власти “криминальной элиты” (как раз в это время многие профессионалы, интеллигенция разочаровались в политике, общественные движения пошли на спад, партии гражданского общества были достаточно слабы). Не будем недооценивать и социально-психологический фактор; криминальная элита в волевом отношении явно превосходила других фигурантов: старые партийные и комсомольские кадры, генералитет, новоявленные бизнесмены повсеместно ей проигрывали при личных столкновениях и капитулировали, расчищая дорогу “новой силе”. В-третьих, они нашли свою социальную базу, опираясь на обнищавшие массы, используя патернализм и клиентистские отношения. Это хорошо известная традиция мафиозных структур: популизм и манипулирование местными пауперами. Так правят криминальные синдикаты в Центральной и Южной Америке, когда наркобароны находят поддержку у местного населения в районах бедноты, фавелах, раздавая подачки, финансируя спортивные клубы, учреждая свои стипендии, устраивая религиозные празднества и т.п. В результате местному мафиози, “крестному отцу”, ничего не стоит набрать нужное число голосов на выборах и получить официальный статус.

В целом “криминальной элите” следует отдать должное — была максимальная концентрация на поставленной задаче, и в этом проявились определенные личностные качества, отточенные беспощадной войной за выживание в 1990-е. Профессиональный преступник — это печать на всю жизнь. Какими бы ни были приобретенные статусы и внешний образ, но фундаментальные личностные, ценностные и психологические структуры остаются неизменными. Вот почему оценивать мысли и поступки современной политической элиты следует сквозь призму психологического портрета лидера криминального мира. Начнем с простого. Эти люди никогда не краснеют. Стыд не совместим с их первой профессией. На пути к ней была первичная селекция: все, кого могла терзать совесть, подобно синдрому Раскольникова, который не был профессиональным преступником, выбраковывались, и такие фигуранты не становились настоящими профессионалами. Далее — ложь как инструмент и способ достижения цели. При этом очень удобно, если умеешь лгать и не краснеть. Профессиональное свойство мошенников, но и полезное качество для политиков. Иная ценностная структура: никакого альтруизма, главные ценности — деньги и земные материальные блага.

Такому человеку непонятны общечеловеческие, национальные или другие общественные ценности. Они просто смеются над людьми, которые могут ставить перед собой не шкурные цели. Духовный мир нередко включает псевдорелигиозность. Они могут жертвовать деньги на церковь, креститься, украшать жилище дорогими иконами, водить дружбу с попами, но остаются язычниками эпохи дикости (по Моргану). Бог для них — это тотем, который всегда на их стороне. После убийства или удачного грабежа — самое время сходить в церковь и дать денег (благо, батюшки не отказываются и берут с удовольствием от всех). Они считают, что заключили договор с Богом по принципу: “я — тебе, ты — мне”. Ничего общего с христианством это не имеет и восходит к примитивному эгоизму эпохи дикости. Эти люди не понимают смысла диалога, их философия: или нападение, или бегство. Нападают — когда чувствуют превосходство и безнаказанность, лучше ночью; убегают (смываются) — потому что по своей внутренней природе являются трусливыми материалистами. И так, середины не бывает, ибо о чем можно дискутировать с жертвой или полицейским? Правда, некоторые из них имеют навыки НЛП, это касается, в частности, мошенников, “наперсточников”, которым необходимо было умение заговорить зубы жертве (“зачитывать” — на сленге) и уйти с деньгами. И, конечно, жестокость. Преступный промысел учит никогда не сочувствовать жертве, то есть никакой эмпатии, человек рассматривается как объект нападения, помеха или опасность. И еще... презрение к “фраерам” (научное сообщество, социологи также попадают в эту широкую категорию); на самом деле, вору всегда считали себя избранной частью человечества, которая имеет право на свой образ жизни и блага за счет “фраеров”, которым по жизни предопределено гнуть спину и батрачить. Их взгляд таков: они — особая раса людей, по своей природе она выше других, и ее представители наделены исключительными правами брать то, что заблагорассудится, и заодно подавлять сопротивление “фраеров”. Иногда эта философия избранности и исключительности “не для печати” прорывается наружу. В интервью журналу “Власть денег” народный депутат от Партии регионов Александр Пресман заявил, что Украине просто необходимы криминальные авторитеты. “Почти все, что пишут об этих людях, — неправда. Я уважал и уважаю этих людей. Они стали такими, как они есть. В 1990-е было сложнее, чем сейчас. Нужно было выживать: новые правила общения с людьми, новые правила бизнеса, перерождение многих вопросов” [Украине нужны, s.a.]. А вот другой депутат от этой партии В.Струк предлагает выдвинуть группу “Бутырка” на соискание Шевченковской премии [Получит ли, s.a.]. Он большой поклонник не только “Бутырки”, но и “Лесоповала”, приглашает коллективы на свой избирательный округ, поет с ними вместе. Струк считает, что украинскую молодежь нужно учить на примерах подобных Саше Белому — киногерою из сериала “Бригада”. О самом Струке пишут, что в 1990-е году политик начинал в группировке Доброслава (убит в 1997-м); от связей с криминалитетом Струк не отказывается. Свои приключения в те “лихие” годы описывает афористично: “Я занимался раньше бизнесом, — говорит Струк, — и когда ко мне кто-то лез, я бил по рукам. А потом они бежали и жаловались на меня... Я его догонял, так сказать, и бил по рукам до того момента, чтобы он уже не лез ко мне больше” [Струк, s.a.]. Теперь луганчанин трудится в бюджетном комитете Верховной Рады. И Пресман, и Струк, и многие другие политики из ядра Партии регионов вполне искренние

в своих заявлениях и мыслях, они не видят смысла скрывать свою историю и позицию. Мы — сильнее, мы — победители, которых не судят, звучит рефреном в их высказываниях. И потом, народ на Востоке и Юге Украины их любит, вместе с ними с удовольствием слушает и “Лесоповал”, и “Бутырку” и подпевает им и готов вновь и вновь отдавать за них свои голоса на выборах.

В целом это “другие” люди; важно понять, что мотивационная сфера, представления о средствах достижения цели, мировоззрение у них иное и таким остается пожизненно, каких бы высот они ни достигли. И в политике эти люди будут себя вести исходя из своей внутренней сущности, особенно в сложных и критических ситуациях.

“Слом старой государственной машины” или “приватизация”?

Основной вопрос любой революции — это вопрос о власти. В рамках “криминальной революции” он был окончательно решен в 2010 году, и за истекшие годы были осуществлены или довершены многочисленные латентные преобразования, по которым можно судить о модели криминального общества.

Успех захвата государства был обусловлен наметившейся политической коррупцией. В борьбе за власть использовался коктейль из демократических процедур и криминальных практик: выборы по мажоритарным округам и подкуп избирателей, приобретение за солидный взнос места в партийном списке, покупка должности в аппарате исполнительной власти и, наконец, учреждение своей партии и обильное ее финансирование путем отмывания криминальных денег. Партия — это уже реальный инструмент для выполнения сверхзадачи — привести региональную криминальную элиту к власти в общенациональном масштабе. Успеху сопутствовали известные геополитические реалии Украины; нанятые политтехнологи умело раскручивали украинофобские и пророссийские настроения на Востоке, вбивая клин по принципу “разделяй и властвуй”. Заметим, что “криминальная элита” индифферентна к идеологиям, она легко может разыгрывать карту как “национализма”, так и “интернационализма”, относясь к идеологии как к инструменту для контроля над массами. Идеологический вакуум со временем стал заполняться парадоксальной смесью православия и советизации с показной ностальгией по недавнему прошлому. Это давало электоральный прирост и делало криминалитет “своими парнями”, патриотами в отличие от демократов, продавшихся Америке. При этом мало кому приходит в голову, что подобные субъекты даже в относительно “добрые” брежневские времена поголовно сидели бы в тюрьмах, а ранее — расстреливались бы как эксплуататоры и контрреволюционеры.

Им предстояло овладеть сложной государственной машиной, и тут могли быть разные пути и подходы. В свое время В. Ленин, размышляя о тактике большевиков в начавшейся революции, выдвинул радикальный план слома старой государственной машины [Ленин, 1961]. Кстати, с точки зрения царского правительства Ленин и большевики рассматривались как опасные уголовники (и многие революционеры были такими по фактам своей биографии и опыту отбывания наказаний). Ленин инстинктивно не доверял старым чиновникам и аппаратам прежнего режима; они были связаны взаимной солидарностью и поддержкой, моральными “предрассудка-

ми”, которые ограничивали полет революционной мысли в отношении лозунгов “грабь награбленное” или “красный террор”. Предполагалось до основания развалить старое государство и уже на “пустом месте” учредить государство диктатуры пролетариата. На практике это означало: массовое увольнение чиновников, служащих, военных, а затем введение советских институций. Советские учреждения воплотили в себе худшие стороны бюрократической системы и к тому же в несколько раз превышали по численности аппарат царского режима. В конце концов на службу были приглашены уволенные “спецы”, и учреждения стали напоминать старорежимные институции. В общем путь оказался сложным и не вполне удачным, диктатуру пролетариата напоминала разве что символика, оформление и внешние атрибуты “присутственных мест”. В заочном споре Маркса и Бакунина выиграл второй. Теоретик анархизма предупреждал относительно желания Маркса иметь на первых порах особое государство диктатуры пролетариата: как только рабочие займут кабинеты власти и усядутся в кресла, они себя проявят как держиморды и махровые бюрократы. Так и случилось.

Альтернативным ленинскому пути является способ “приватизации” государственного аппарата, включая полицию и армию. Этим способом действовали национал-социалисты в Германии; государство после известных событий 1933 года они рассматривали как законную добычу, с которой можно поступать по своему усмотрению. М.Вебер в начале XX столетия разъяснял, что в эпоху модерна вводится система “легального господства”; в ее рамках бюрократия — это политически нейтральная прослойка, которая служит закону, обществу в целом, а не личностям, правителям или частным интересам [Вебер, 1998]. Но так бывает только в демократическом обществе, где реально действует принцип разделения властей. И разве гитлеровцы читали Вебера? Они подчинили своей воле все государственные службы, полицию и армию, сделали государственный аппарат инструментом партийной политики.

Путем “приватизации” после политической победы на выборах шла “криминальная элита” в Украине: милицию, прокуратуру, суды, налоговую инспекцию и другие государственные институты она стала рассматривать как партийную собственность. Демократические институты и процедуры оказались незащищенными перед натиском криминалитета. Сам захват, или “приватизация”, госаппарата был бескровным и тихим: многочисленные “гордые” головы судейских, милицейских, прокурорских, военных и гражданских служащих государственной машины молча склонились перед новыми властями. В общем даже не пришлось радикально менять кадры. Да и откуда у мафии столько кандидатов? В тюремной модели общества, которую “криминальная элита” интуитивно считает самым правильным и совершенным устройством любого социума, в правящую верхушку могла войти горстка заключенных, но она умело навязывала свою волю всем баракам и подразделениям. Кстати, модель тоталитарной системы строится по принципу матрешки, где самая меньшая фигура контролирует любую большую. В советском режиме вождем контролировал политбюро, политбюро — центральный комитет правящей партии, центральный комитет — региональные и республиканские партийные аппараты, те, в свою очередь, — многочисленные первичные и низовые партийные структуры, и параллельно все партийные аппараты распоряжались любыми государственными и административными органами власти. Выходит, что буквально небольшая

горстка людей, если создана соответствующая структура, может управлять многомиллионным социумом. Не по такому ли принципу построена политическая система современной Украины? И тогда глава пятая конституции Украины становится чисто декларативной, и вся конституция имеет не больший смысл, нежели, например, знаменитая сталинская конституция 1936 года, сулившая разнообразные гражданские права и свободы советским людям в эпоху “большого террора”. “Криминальное общество” по определению не может быть открытым, демократическим и правовым. Оно быстро эволюционирует к авторитаризму и тоталитаризму, модели полицейского государства, где правоохранителям отводится роль марионеток, веревочки от которых держит в своих руках “криминальная элита”.

Новая ситуация содержала элементы куража и сюрреализма: те, кто вчера прятался и бегал по крышам от людей в шинелях, теперь властно и небрежно отдавали свои приказы и делились с обладателями шинелей и портупей житейскими мудростями и наставлениями. Реализация криминального порядка с помощью правоохранительной системы — это уникальный вклад Украины в историю социальности. На самом деле был заключен общественный договор: госслужащим разрешались многие “вольности” в обмен на лояльность. Политика кнута и пряника заключалась в том, что неугодный служащий может в один день потерять свою должность и даже превратиться в подозреваемого и обвиняемого по любому надуманному или реальному обвинению, а “пряник” — это узаконенное право на коррупцию, за которую “ничего не будет”, если придерживаться установленных “понятий”. И что любопытно: ни один служащий, каким бы высокопоставленным он ни был, не воспротивился публично своей участи. В общем, она и не такая горькая, если игнорировать моральные чувства.

“Приватизация” государственной власти происходила ступенчато. Во всяком случае масштабный эксперимент вначале был осуществлен в Донбассе, где к началу 2000-х годов все четыре ветви государственной власти прочно держала в своих руках “криминальная элита”, и даже подростки в школе твердо знали, что главным в области является Ринат Ахметов, формально никакой должности не занимавший. Афористичный лозунг “Все будет Донбасс” отвечал плану следующего этапа по завоеванию Киева и всей Украины. Надо отметить, что центральный государственный аппарат в силу своей продажности, близорукости и анемичности смотрел сквозь пальцы на угрозу с Востока. “Приватизация” госаппарата криминальной группировкой, какой бы силы она ни была, никогда не могла бы осуществиться без поддержки или молчаливого согласия правящего класса (так, кстати, было и в Веймаровской Германии). В условиях украинского транзита происходил небывалый процесс конвергенции, когда бывшие рэкетеры, криминальные авторитеты, картежники и “наперсточники” превращались в политиков, а политики первых лет независимости трансформировались в полукриминальных теневых делегов. Несомненно, первые приложили немало усилий, чтобы изменить свой габитус, одели европейские костюмы от известных кутюрье, скрывающие наколки, расширили лексикон, подхватили некоторые идеи, которые им кажутся правильными, изменили образ жизни, учились не откликаться на клички и т.п. А вторые — хотя и не надели малиновых пиджаков, но украсили свою речь блатным лексиконом, а самое главное — переняли криминальные практики вплоть до заказа на убийство. Так сложился

уже криминальный правящий класс, и когда бывшие комсомольцы, красные директора и милицейские чины массово вступают в правящую партию, ядро которой составляет региональная криминальная элита, то это не прыжок из стратосферы, а закономерный итог криминализации общества и правящего класса. И разве не старая гвардия открыла двери в политику и в столицу для энергичных и щедрых на деньги ребят из провинции?

Существует и третий путь овладения государственной машиной — “плавное скрытое проникновение”, которое использовали в свое время сицилийская мафия и Коза Ностра в США. Историк сицилийской мафии Джон Дикки пишет: “...мафия вовсе не является альтернативным правительством: она существует, проникая в государственные структуры и используя силу и слабость государства в собственных интересах” [Дикки, 2005: с. 24]. Этим путем идут преступные синдикаты, как правило, в отдельных регионах, где мафия имеет большое влияние. Такая тактика, несомненно, использовалась в Украине на определенных этапах “криминальной революции”. Ее “герои” инфильтровались в представительные и исполнительные органы государственной власти и местного самоуправления, делегировали туда своих доверенных лиц или коррумпировали часть политиков и управленцев. В конце концов, “криминальная элита” полностью подчинила своему влиянию донецкий регион, используя его как плацдарм для овладения Киевом и Украиной.

Криминальные проекции

Последние годы были отмечены тем, что в теневой сфере украинского общества инициировались процессы, которые, на мой взгляд, подтверждают гипотезу “криминального общества”. Они разворачивались достаточно целенаправленно и энергично, но скрытно, без фанфар и PR-сопровождения. Я исхожу из того, что авторы и планировщики новейших социальных технологий ограничены в своем мировоззрении архетипами и традициями уголовного мира. Интуитивно они считают тюремный порядок и неформальные криминальные институты наилучшим способом устройства социального мира. Вполне логично можно ожидать, что запущенные скрытые процессы отражают первичные установки криминального мышления. Раскрою несколько “тайн” криминального общества по-украински, исходя из своих наблюдений и понимания тенденций.

Проекция 1. *Институционализация коррупции и принцип “общака”.* Массовая так называемая низовая коррупция и коррупция привилегированная, в том числе политическая, в короткие сроки подверглись переосмыслению и упорядочиванию. Родилась идея соединить коррупцию с общаковым принципом, сделать ее стройной и системной с выходом денежной наличной массы на самый верх. “Общак” — это черная криминальная касса, которая учреждалась в тюрьмах и лагерях, а впоследствии и на свободе для поддержки уголовников. Она наполнялась за счет солидарных добровольных взносов воров, и обязательно вводилась должность смотрителя “общака”. В “черных” зонах все без исключения сидельцы должны были отчислять в “общак” определенный процент от посылок, карточных игр. Средства из “общака” расходовались по решению воровских сходок. Воровство из “общака”, растрата средств, так называемое “крысятничество” считались боль-

шими проступками перед криминальным сообществом, которые могли караться смертью.

Итак, все гениальное на самом деле достаточно просто. В стране подавляется неконтролируемая и неподотчетная коррупция, потоки денег должны иметь восходящий характер, а не застревать в карманах жадных чиновников. Правда, последние имеют право на свою “доляшку” как мотивацию к коррупционной деятельности. Так коррупция превращалась из инструмента незаконного и тайного обогащения в форму налога, деньги от которого в чистом виде перекачивались в карманы “криминальной элиты”. Платить должны все, а не только прямые взяткодатели. Сегодня в Украине практически каждая транзакция, покупка, чек в супермаркете или квадратный метр жилья имеют коррупционную составляющую (разгадка того, что в бедной Украине цены, как в Европе). Коррупционные платежи закладываются в себестоимость продукции и услуг и размазываются по всему населению подобно радиоактивным изотопам от Чернобыльской АЭС. Серьезное ноу-хау заключалось в том, чтобы построить коррупционные “общаки” по ведомственному и территориальному принципам.

Ведомственная форма означает, что внутри министерства, в низовых организациях и структурах ведется напряженная коррупционная работа, а деньги поднимаются через руководителей или уполномоченных лиц наверх. Формы и способы коррупции были максимально расширены: традиционные взятки дополнялись продажей служебных должностей, наград, сертификатов, откатами за лицензии, возмещение НДС, платой за разрешения на строительство или бизнес, выдачу государственных актов, паспортов и т.п. Конечно, коррупционные потенциалы правоохранительных и, например, образовательных структур неодинаковы, и, очевидно, это учитывается при постановке плановых заданий. Таким образом, возникла цепь коррупционных пирамид разного объема денежной массы и способов их наполнения. Ведется ли борьба с коррупцией? Да, и вполне логично она укладывается в рамки общей парадигмы — ликвидируются стихийные коррупционеры и те, кто соблазнился что-то недовложить в “общак” (“крысятничал”). Головы поселковых советов, участковые инспектора, рядовые преподаватели вузов и подобный контингент иногда привлекаются к уголовной ответственности, укрепляя всех остальных в мысли о необходимости придерживаться установленных правил. Широкая и безнаказанная, то есть фактически институциональная коррупция, несомненно, разлагает общество, одновременно укрепляя социальную базу “криминальной элиты”. Втянутые в орбиту коррупционной деятельности чиновники, служащие, правоохранители ощущают выгоды своего положения; боятся ответственности и потери хлебных мест в случае падения режима. Они и их семьи — преданный электорат правящей на таких основаниях партии и проводники ее политики.

Проекция 2. Феномен “смотрящих”. Ни один “общак” не может прирастать и функционировать без человека, который следит за его наполнением, ведет финансовый учет, отчитывается перед теми, кто его уполномочил. Конечно, назначение и расстановка таких людей — это государственная тайна. Но рано или поздно все становится явным, или что-то приоткрывается хотя бы на полдьюма. Осенью 2013 года в Украине разразились скандалы, связанные с так называемыми “смотрящими”. Один из них некто Анисимов Евгений Александрович (уголовная кличка — Анисим) являлся известной

и публичной фигурой Запорожья, до ареста свободно общался с первыми лицами области и города, милицейским начальством, и все его знали как “смотрящего” над регионом. В 1990-е годы им была создана разветвленная преступная организация с силовым и контрразведывательным прикрытиями, экономическим блоком [Анисимов, s.a.]. В современном Запорожье Анисим создал сложную многоярусную технологию рэкета, имел связи с нардепом от ПР Иванющенко, не скрывал, что финансово поддерживает Партию регионов; как утверждают журналисты, ни одно кадровое назначение или разрешение на бизнес не обходилось без его согласия. “Данью обложены все предприятия Запорожской области. Причем схема поборов государственно-мафиозной группировки в Запорожской области построена уникальная. Бизнесмены платят бандитам по нескольким статьям: 1. За “крышу” — чтобы защитить бизнес от “наездов”. 2. За ведение финансово-производственной деятельности: каждое предприятие может вернуть себе НДС только при условии работы через фирму, названную Анисимовым, — причем за возврат НДС бандиты забирают 25%! 3. Предприятия могут осуществлять обязательные платежи, необходимые для их жизнедеятельности, — в коммунальные предприятия, за выдачу лицензий, разрешений и т.п. только при использовании посредников, которых назначил Анисимов. 4. Целые отрасли малого бизнеса, связанные с теневым оборотом наличных средств, перешли под полный контроль структур “Анисима” — маршрутные перевозки, торговля на базарах и в киосках, парковки. 5. Загоняя экономику области в тень, Анисимов обеспечивает выведение средств из легального оборота и из бюджетов всех уровней в свои конвертационные центры. Только его контора имеет возможность заниматься нелегальной “обналичкой” финансовых средств. Черный кэш, который выбивается из бизнеса, тут же легализуется” [Страх, s.a.]. Его арест был воспринят бизнесменами города чуть ли не как день освобождения города, а вот мэр Запорожья и архиепископ Лука выступили в защиту “смотрящего...” [За запорожского “смотрящего”, s.a.].

Итак, вот и вылезли ушки так называемого территориального “общака”. В него по плану архитекторов украинского “криминального общества” собирается дань с субъектов бизнеса, не связанных единым ведомством или министерством. Очевидно, в “общак” делали свои взносы и криминальные группировки. Но ситуация выглядит невероятно смешной. Ведь хорошо известно, что любой криминальный “общак” и его “смотрящий” — фигуры тайные, об их существовании некогда разве что могли догадываться оперативные сотрудники криминальной милиции, прислушиваясь к донесениям агентуры. Выходит, что “общаковая” практика с недавних времен была качественно видоизменена и как матрица наложена на регионы Украины. Следовательно, в короткий период возникла параллельная структура налогообложения бизнеса (и косвенно всех граждан), а деньги без банковского учета прямым путем отправлялись в чьи-то очень большие карманы. Официальных комментариев и разъяснений ситуации со стороны официальных лиц по событиям в Запорожье не последовало. Оно и понятно, поскольку “смотрящие” — это на местах представители “криминальной элиты”, осуществляющей двойное руководство государством как в его видимой части, так и в невидимой.

В Одессе, по сообщениям СМИ, аналогичной фигурой является Иван Иванович (Аврамов), без которого не решается ни один важный вопрос в об-

ласти. Иван Иванович тесно связан с одной из ключевых фигур донецкой группировки и депутатом от ПР Юрием Иванющенко (Юра Енакиевский). Оба входят в число богатейших людей Украины [Таємничий, s.a.]. Но ведь это тот же самый Иванющенко, что и в случае с Анисимом! Не он ли является куратором от “криминальной элиты” территориальных “смотрящих” и “общаков”?

Проекция 3. *А собираются ли “сходки” и что на них решают?* Институты криминального мира будут неполными без “воровской сходки”, или так называемого сходняка. В философии криминалитета он занимает видное место, и не может существовать законченная криминальная система без “тайной вечери” воров или авторитетов. Единовластие традиционно не приветствовалось в уголовной среде, важнейшие решения всегда получали одобрение своего рода коллегии, куда могли входить только генералы преступного мира, “воры в законе”. Или такой проекции в государственной системе современной Украины нет? Конечно, любая “сходка” — это по определению сугубо тайное совещание лидеров уголовного мира, на которое никогда и ни при каких условиях не допускались посторонние. Естественно, никакая информация не просачивается. Но есть весомые косвенные признаки, что подобная процедура имеет место. В последние годы ни одно важное решение не принималось публично, даже пенсионерки перестают слушать трансляции из стен Верховной Рады на своих кухнях: не интересно, никакой интриги, все предрешено. Минули те времена, когда в парламенте вспыхивали жаркие дискуссии и могло произойти ситуативное голосование; выступления ораторов превратились в разговор глухого с немым. Рада нужна как машина для голосования и легитимации того, что уже предрешено. Заседания Кабмина проходят по такому же сценарию. В советскую эпоху Верховные Советы также работали по схожей схеме, но все понимали, что решения принимаются в центральном аппарате партии и на заседаниях Политбюро. Это были официальные и всем понятные институты старой политической системы. А в наше время? Где находится реальный центр принятия решений? Кто и в каком формате проводит тайные (от общества) встречи? Сколь широк круг лиц, принимающих судьбоносные решения? И как все выглядит внешне? Под коньяк и шашлык, российский шансон, с веселым матерком договариваются между собой члены синклита, а потом приглашаются прокурорские и судейские чины, профильные министры, и им даются указания по поводу раздела финансов, или — кого посадить за решетку, а кого помиловать?

Проекция 4. *“Понятия” как закон и законы “по понятиям”.* Отношения в криминальной среде регулируются собственными кодексами поведения, причем основная их функция сугубо инструментальная: дисциплинировать и сплотить сообщество, обезопасить его от предательств и утечек информации. И сицилийская мафия, и китайские триады, и японская якудзу, и так называемая русская мафия при больших исторических и архетипических различиях могут похвастаться близостью “основного закона”, по которому живут члены преступных организаций. Но и в этой сфере не без перемен. Ушла, очевидно, навсегда эпоха классического “воровского закона”, делавшего профессиональных преступников на просторах бывшего СССР своего рода монашеским орденом отшельников. Многие его нормы отброшены или радикально пересмотрены. Украинское общество вполне принимает и кри-

миналитет, и криминальную субкультуру, и криминальные капиталы. Так зачем самоизолироваться и вести аскетический образ жизни? И “криминальная элита” не желает находиться в криминальном подполье: смело шагая в публичные сферы экономики и политики, она, что и следовало ожидать, тащит за собой шлейфы “понятий”.

Ныне действующий “основной закон” мафии упростился и стал утилитарным: остаются правила честной игры относительно “своих” и разрешается практически все применительно к “фраерам”, “лохам”, “козлам”. “Не по понятиям” кидать своих на деньги, “крысятничать”, нарушать слово, данное “пацану”, не вкладывать в “общак”, включать в свои внутренние разборки ментов, комментировать на прессу разборки и т.п. Но вполне “по понятиям”, например, отобрать бизнес у “лоха” или нарушить обещание, данное бизнесмену по охране его предприятия, когда заключался договор “крыши”. В этом мы убедились, собирая эмпирический материал по международной теме “Организованная преступность в Украине”. Члены одной из криминальных групп живо и с юмором рассказывали, как они ловко “разводили” своих бизнесменов, которых брали под “крышу” [Рущенко, 2002: с. 39–40].

Но может быть, “понятия” остались как внутренний кодекс для “криминальной элиты” и не проецируются широко на общество? Нет, шлейф “понятий” уже успел окутать Украину. Прежде всего “понятия” корреспондируют чиновничьей братии, коррупционерам, теневому бизнесу и капиталу. В идеале — вся теневая социальная жизнь должна быть перестроена “по понятиям”. “Понятия” выше украинских законов, воля “криминальной элиты” — абсолютный императив, все ветви власти должны ее выполнять. И, конечно, это касается самой “криминальной элиты” уже в новой ипостаси легальных предпринимателей, политиков и государственных деятелей. “По понятиям” тут не сдавать своих (если есть угроза уголовного преследования или, например, требование отставки правительства под натиском оппозиции), не отнимать друг у друга бизнесы, не вести публичных дискуссий на партийные темы, не признавать открыто ошибки, соблюдать видимость монолитности и непоколебимости. И мы видим, ставки “понятий” растут. “По понятиям”, например, “кинуть” европейских политиков и глав государств (к огромному изумлению последних), ведь они, в конечном счете, — те же “фраера”, и краснеть не придется.

А если член криминального сообщества нарушит “понятия”? Раньше за нарушение “понятий” карали традиционным путем, используя криминальное насилие, а в настоящее время провинившегося отдают на растерзание закона, диктуя “закону” волю “криминальной элиты”. Весьма показательной является история одессита Маркова, который потерял мандат народного депутата, а затем подвергся аресту, несмотря на то, что входил во фракцию правящей партии. Марков (Марадона Челентано), по данным СБУ, входил в состав разных ОПГ, неоднократно задерживался органами правопорядка. Марков — типичный фигурант из числа “криминальной элиты”, захватившей власть в государстве, разве что не донецкий... Типичной является структура биографии: есть внятные сведения до начала 1990-х годов, затем пробелы, и наконец, в конце 1990-х появляются опять вразумительные данные относительно политической и бизнес-деятельности [Марков, s.a.]. Мы, возможно, никогда не узнаем, что именно сделал Марков не так и за что на него обиделись “пацаны”, но вполне очевидно, что его обвинение не отражает сути “про-

ступка”. Черный юмор ситуации заключается в том, что ему официально инкриминируется хулиганство, выразившееся в избииении граждан Одессы, участников пикета против сооружения памятника российской императрице. “По понятиям” за это нужно выдать награду, а Маркова закрыли в тюрьме за инцидент пятилетней давности! Демонстративное наказание Маркова — это сигнал “своим” о том, что “понятия” нарушать никому не позволено. Я акцентирую внимание на том, что правоохранные органы втянуты в игру “по понятиям”. Их используют для внутримafiaозных разборок.

Проекция 5. Криминальный террор. Чем отличается мафия как бизнес-корпорация от обычных экономических структур? Тем, что она использует насилие как инвестицию, даже если занимается легальным бизнесом. Но если поле деятельности — все государство, то возникает соблазн использовать криминальное насилие, например, в целях политической борьбы и устранения конкурентов. Этим приемом пользовались ранее преступные латиноамериканские режимы, создавая тайные организации, так называемые эскадроны смерти, которые жестоко расправлялись с диссидентами и негодными лицами. В Украине криминальный террор использовался в “лихие 1990-е”, когда группы рэкетиров устанавливали контроль над рынками, бизнесменами, запугивая предпринимателей и обывателей. Проекция этой формы криминальной активности внезапно себя обнаружила в последние годы. Первый случай применения этой технологии был зафиксирован в Харькове в декабре 2006 года, когда руководители горсовета, имеющие прочные и давние связи с криминалитетом, “подтянули” на разборку со своими оппонентами группу спортсменов и уголовников. Ликвидировалась строительная площадка под супермаркет, который должны были строить политические конкуренты. События происходили, что называется, среди белого дня; они были сняты на видео. Любопытно, что на месте конфликта находилось спецподразделение МВД “Беркут”, которое самоустранилось и не стало препятствовать атаке “спортсменов” и насильственным действиям [СБУ, s.a.].

Харьковский опыт был расценен как положительный, и впоследствии в закулисной “генеральной штабе”, очевидно, было принято решение распространить опыт в масштабах государства, то есть языком социологов — внедрить социальную технологию. Резервы уголовной шпаны ограничены, к тому же их лица “засвечены” и имеются в оперативных учетах. Была сделана ставка на спортсменов, что вполне соответствовало духу 1990-х. Тогда из спортивных обществ, из секций бокса и борьбы рекрутировались добровольцы в криминальные бригады. “Спортсмены” имели характерную внешность, предпочитали тренировочные костюмы, кроссовки, исповедовали культ физической силы, нередко отказывались от алкоголя и представляли реальную силу в руках организаторов рэкетирского движения. Фигуранты “криминальной революции на асфальте” жили недолго, и как будто к началу 2000-х само явление исчезло. Или оно превратилось в архетип сознания? Так или иначе, чья-то невидимая рука быстро создала в украинских городах сеть бойцовских клубов как вполне легальных структур при широкой поддержке местных органов власти, милиции, общества “Динамо”. Они и стали местом, откуда рекрутируются так называемые титушки. Зачем режиму, располагающему послушной карательной машиной, полузабытая форма насилия? В ряде случаев милицию использовать не с руки, когда речь идет об откровенной уголовщине, незаконном насилии, запугивании обществен-

ности. Например, немногочисленный мирный пикет легко сносит группа “спортсменов”, которым дается право отработать приемы рукопашного боя на живых людях. Ночью поджигаются автомобили активистов, совершаются акты вандализма, нападения на штабы оппозиции и организаторов гражданских протестов. Конечно, с противниками можно разобраться и по-другому, например, с помощью “честных” и “беспристрастных” судебных инстанций. Но террор имеет важную наглядную и воспитательную функцию, он должен вселять ужас и рождать у простых граждан чувство беспомощности.

Проецирование традиционных криминальных институтов и технологий на большой социум говорит о нескольких вещах. Криминальный правящий класс лишен социальной фантазии и строит общество по тюремному образцу, в их сознании доминируют привычные архетипы, которые и накладываются на социальную реальность. Наряду с официальными и публичными институтами создается параллельный социальный мир, он-то и должен обеспечить реализацию главных целей: власть и деньги. Так что речь уже идет не просто о “криминальной оккупации”, а, образно говоря, о криминальной перестройке самих стен и перекрытий внутри здания украинского общества. Конечно, большое дело не обходится без “шероховатостей”: оппозиция, Европа, майданы, гражданские движения, националисты, умничающие интеллектуалы мешают завершению тюремного проекта. Наконец, наметилось противоречие между криминальным правящим классом, коррумпированным госаппаратом и гражданским обществом. И, похоже, что в ближайшие годы именно это противоречие станет определяющей силой развития политической ситуации в Украине и выбора вектора будущего.

Источники

Анисимов Евгений Александрович [Электронный ресурс] // Политрада — все по полочкам : досье. — Режим доступа : <http://politrada.com/dossier/personne/id/3878>.

Вебер М. Три чисті типи легітимного панування / Макс Вебер // Соціологія. Загальноісторичні аналізи. Політика / пер. з нім. О. Погорілій. — К.: Основи, 1998. — С. 157–172.

Горшенков Г.Г. Преступность, ее организованность и криминальное общество / Г.Г. Горшенков, А.И. Долгова. — М.: Рос. криминолог. ассоциация, 2003 // Сборник научных трудов юридического факультета ; вып. 4. — Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2005. — С. 262–266.

Дикки Дж. Коза Ностра: история сицилийской мафии / Дикки Дж. ; пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо ; СПб.: Мидгард, 2005. — 512 с.

Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / Долгова А.И. — М.: Рос. криминолог. ассоциация, 2003. — 572 с.

За запорожского “смотрящего” Анисимова заступились “высшие силы” [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.nr2.ru/zaporozhia/467613.html>.

Зиммель Г. Как возможно общество? / Г. Зиммель // Социологический журнал. — 1994. — № 2. — С. 101–114.

Кузин С. Донецкая мафия : антология / Кузин С. — К.: Полиграфкнига, 2006. — 304 с.

Ленин В.И. Государство и революция / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Госполитиздат, 1962. — С. 1–120.

Марков Ігор Олегович [Електронний ресурс] // Вікіпедія : Вільна енциклопедія. — Режим доступу : http://uk.wikipedia.org/wiki/Марков_Ігор_Олегович.

Получит ли группа “Бутырка” Шевченковскую премию? [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/576605-poluchit-li-gruppa-butyrka-shevchenkovskuju-premiju.html>.

Рущенко И.П. “Криминальная революция” как социетальный фактор / И.П. Рущенко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 3.

Рущенко И.П. Система внешней регуляции поведения членов ОПГ: идеология и институты преступного мира / И.П. Рущенко // Организованные преступные группы в Украине: традиционное и типичное (социологический очерк) : [моногр.] / под общ. ред. А.Н. Ярмаша. — Харьков : Нац. ун-т внутр. дел, 2002. — С. 10–72.

СБУ: Беспорядки на улице Клочковской в Харькове были заранее организованы [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://podrobnosti.ua/criminal/2007/01/17/386773.html>.

Страх и ненависть в Запорожье: потерпевший “смотрящий”? [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://lb.ua/news/2013/09/06/224400_strah_nenavist_zaporozhe.html.

Струк Владимир Алексеевич [Электронный ресурс] // Генштаб. — Режим доступа : <http://genshtab.info>.

Таємничий Іван Іванович: штрихи до портрета “смотрящего” за Одеською областю [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://ipress.ua/mainmedia/taiemnychyu_ivan_ivanovych_shtryhy_do_portreta_smotryashchogo_za_odeskoju_oblastyu_32053.

Україна — лідер з поширення корупції у Європі [Электронный ресурс] // Transparency International. — Режим доступа : http://ipress.ua/news/dlya_yanukovycha_borotba_z_koruptsiieyu_tse_bagato_horoshyh_sliv_i_malo_dii_the_financial_times_32586.html.

Украине нужны криминальные авторитеты — депутат ПР [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://thekievtimes.ua/society/223311-ukraine-nuzhny-kriminalnye-avtoritety-deputat-pr.html>.

Цейтлин Г. У нас построено криминальное общество? / Г. Цейтлин // День. — 1999. — № 243, 30 груд.

Шур Э.М. Наше преступное общество (социальные и правовые источники преступности в Америке) / Шур Э.М. ; с предисл. и под ред. В.Н. Кудрявцева ; пер. с англ. — М. : Прогресс, 1977. — 326 с.